

Р. Мних, Е. К. Созина

ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ VERSUS КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ
В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ДМИТРИЯ ЧИЖЕВСКОГО

doi: 10.30759/1728-9718-2019-2(63)-6-13

УДК 3 ББК 71.1

В центре внимания авторов статьи находятся понятия «память культуры», «культурная память», «культурное пространство» и «новый смысл текста». Рассматривается их экспликация в научном наследии видного слависта и философа Д. И. Чижевского (1894–1977). Установлено отличие понятий «культурная память» и «память культуры». Культурная память в определениях ее ведущих теоретиков Я. Ассмана и А. Ассман персоналистична, связана с процессами воспоминания и забывания, у нее есть субъект — индивид или некая общность, свои механизмы и «носители». По отношению к памяти культуры вопрос о субъекте «снимается»; условно говоря, это сама культура в ее диахронном символично-семантическом измерении. В понимании механизмов памяти культуры обнаруживается типологическая связь концепций Д. И. Чижевского и Ю. М. Лотмана. Анализируются два разных механизма культурной памяти — линейный и круговой, — благодаря которым в работах Д. И. Чижевского создавалось культурное пространство, необходимое для поисков нового смысла художественного произведения. Линейный механизм выводит нас к памяти культуры: это теория культурно-исторических эпох или волн, описанная Д. И. Чижевским. Круговой механизм срабатывает, когда новый смысл текста рождается на фоне разрастающихся в пространстве культуры концентрических кругов: так ученый рассматривал проблему барокко в европейской культуре, по такому принципу строились его рецензии. Таким образом, сама память в данном случае выступает в роли не простого хранителя информации — она индуцирует новые смыслы.

Ключевые слова: *Дмитрий Чижевский, память культуры, культурная память, культурное пространство, смысл художественного произведения*

Память культуры, культурная память, культурное пространство — все эти понятия, особенно популярные сегодня, тесно связаны с процедурами интерпретации тех или иных культурных памятников, в том числе и литературных произведений, с процессом изучения и осмысления самого развития и движения культуры сквозь время. Интерпретационный потенциал художественного текста всегда укоренен в определенном культурном пространстве, вырастающем вокруг художественного мира, в котором рождаются, живут, страдают, любят и ненавидят, наконец, умирают персонажи литературного произведения. Если интерпретацию художественного произведения

мы будем понимать как поиск нового смысла (на фоне уже имеющихся смыслов, т. е. уже существующих прочтений), то вполне понятным предстанет вопрос об антропологических границах основных понятий, связанных с изучением литературного текста, включая обозначенные выше. Очевидно, что для понимания культурного пространства литературного произведения необходимо, например, знание законов и механизмов культурной памяти, которая может обеспечить жизнь этому пространству. Само же культурное пространство оформляется и создается из или в памяти культуры, и при интерпретации художественного текста читатель должен его осмыслить и понять: именно такое восприятие является гарантией того, что мы сможем увидеть новые смыслы в уже известных текстах культуры.

Понятия «память культуры», «культурная память», «культурное пространство» и «новый смысл текста» и их экспликация в научном наследии видного слависта и философа Дмитрия Ивановича Чижевского (1894–1977) будут в центре внимания данной статьи. Эти понятия взаимосвязаны и взаимообусловлены, они глубоко антропологичны по своей

Мних Роман — д.филол.н., профессор, факультет прикладной лингвистики, Варшавский университет (Польша, г. Варшава)
E-mail: mnichrw@yahoo.de

Созина Елена Константиновна — д.филол.н., зав. сектором истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН; профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: elenasozina1@rambler.ru

сути; добавим, что если понятия «память культуры», «культурная память» и «новый смысл текста» не соотносимы с современными компьютерными технологиями, то понятие «культурное пространство» может быть как антропологичным, так и собственно компьютерным (как виртуальное пространство смыслов, идей, имен — от Википедии до специальных сайтов). Кажущаяся очевидность этих положений при изучении идей Д. Чижевского оборачивается достаточно сложными культурологическими и семантическими конструкциями, отражающими механизмы памяти культуры.

Прежде всего попробуем определить своеобразие подхода Д. И. Чижевского к проблеме памяти культуры. Круг понятий, связанных с феноменом памяти и с ее конкретизирующими характеристиками (память индивидуальная и коллективная; социальная, культурная, историческая; миметическая, предметная, коммуникативная и т. д.), сегодня достаточно широк. Сама потребность праксиологической и теоретической работы с памятью, по мнению Алейды Ассман, связана с тем, что «...мы переживаем “посттравматическую эпоху”, в которой мемориальные практики тесно переплетены с мемориальными теориями».¹ «Прошлое не вырастает естественным путем, оно является продуктом культурного творчества»,² — говорит Ян Ассман, а следовательно, практики памяти непосредственно влияют на созидание и понимание человеком своего прошлого. Однако употребляемое в данном тексте понятие «память культуры» нельзя считать эквивалентом понятия «культурная память», актуализировавшего сегодня свой потенциал. «Культурная память, — считает Я. Ассман, — направлена на фиксированные моменты в прошлом. <...> Прошлое... сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание. <...> ...в культурной памяти фактическая история преобразуется в воссозданную воспоминанием, то есть в миф».³ Можно привести допол-

нительные определения культурной памяти, но важно, что все они в большей или меньшей степени персоналистичны, связаны с процессами воспоминания и забывания, т. е. априори предполагается, что у культурной памяти есть субъект — индивид или некая общность, способная вспоминать, помнить и забывать, а также свои механизмы и «носители». А когда мы говорим о «памяти культуры» и она становится предметом научной рефлексии, то вопрос о ее субъекте «снимается», точнее, этот субъект безличен или, по крайней мере, не персоналистичен; условно говоря, это сама культура в ее диахронном символическо-семантическом измерении. Мы можем разбирать механизмы памяти культуры, можем выделять ее «носителей» — это те же писатели, поэты, ученые, жрецы и т. п., которые являются носителями и культурной памяти, а также тексты — своего рода материально-виртуальные носители информации. Но по отношению к субъекту памяти культуры, по-видимому, более применим подход, предложенный Л. Витгенштейном по отношению к языку.⁴

Понятия «память» и «культура» активно сопрягал Д. С. Лихачев («Одна из величайших основ, на которых зиждется культура, — память. <...> История культуры — это история человеческой памяти, история развития памяти... <...> Ценность культуры прежде всего определяется тем, как она создавалась, какая в ней “заложена память”»⁵ и др.). Однако в нашем контексте, быть может, более важно то обстоятельство, что многие идеи Д. Чижевского, движущиеся в русле общей культурологии и эстетики, при их внимательном изучении оказываются соотносимыми с семиотической концепцией культуры Ю. М. Лотмана (1922–1993) и с его мыслями по поводу механизмов культурной памяти.⁶ Согласно

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2018. С. 12. Отметим, что Д. И. Чижевского связывает с супругами Ассман Констанцская школа рецептивной эстетики (см. библиографию соответствующих публикаций: Mnich R., Pawluch N. Poetik und Hermeneutik: Bibliografia zawartosci tomow I–XVII. Siedlce, 2016).

² Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 50.

³ Там же. С. 54, 55.

⁴ Ср.: «5.631. <...> Это именно такой метод, чтобы изолировать субъект или сказать, что в каком-то важном смысле субъектов не бывает: о нем одном в этой книге не может вестись речь»; все так называемые субъекты находятся внутри мира, здесь же имеется в виду своего рода философский или метафизический субъект, который «не принадлежит Миру, скорее, он является границей Мира», увидеть которую он не может («глаз не видит сам себя») (Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Избр. работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М., 2005. С. 183).

⁵ Лихачев Д. С. Искусство памяти и память искусства // Прошлое — будущему: статьи и очерки. Л., 1985. С. 64, 65, 68.

⁶ Д. Чижевский интересовался работами Ю. Лотмана, писал рецензии на издаваемые в Тарту книги (см.: Mnich R. Youri Lotman et l'École sémiotique de Moscou-Tartu à travers l'héritage intellectuel de D. Tchijevski // Slavica occitania. Toulouse, 2015. № 40. P. 275–293).

концепции Лотмана, движение в области культуры осуществляется как путем непрерывных постепенных изменений, так и через непредсказуемые взрывные процессы. Он пишет: «Культура включает в себя непрерывный динамический процесс, смысловое возрождение и перерождение. Механизм его и есть искусство».⁷ Для научных интересов и публикаций Д. И. Чижевского очень характерными были переходы из одной культуры как семиотической системы в другую; подобного рода, выражаясь словами Ю. М. Лотмана, «непредсказуемые перемещения»⁸ и соотношения классических текстов с разными культурными парадигмами позволяли выявить новые, потаенные смыслы художественных произведений.⁹ С другой стороны, концепция памяти культуры Чижевского созвучна магистральным мыслям Виктора Шкловского о том, что «мы не знаем судьбу слов, среди которых живём», а «слово не живёт одиноко, слово живёт повторениями», и именно такими повторениями «искусство обновляет память человечества (курсив наш — Р. М., Е. С.)».¹⁰

Несмотря на то что само имя Дмитрия Чижевского сегодня уже широко известно литературоведам и философам не только России и Украины, но и Чехии, Германии, Словакии, Польши, Болгарии, большинство его работ не переиздано, нет хороших переводов немецкоязычных публикаций ученого, а отдельные его статьи, разбросанные по малодоступным сборникам, просто преданы забвению.¹¹

По отношению к Д. И. Чижевскому как к ученому особое значение имеет категория не только памяти культуры, но и культурной памяти, она выполняет важную функцию в его научных текстах. У ученого была феноменальная память на события и факты, на прочитанные книги, информацию о которых

он постоянно помещал в свои научные работы. Круг его чтения был очень широким, поистине «интердисциплинарным», энциклопедичным (астрономия, физика, философия, астрология и мистика, психология и литературоведение, кулинаруия и ботаника).

Изучая научно-литературоведческие и философские работы Д. И. Чижевского, мы можем говорить, по крайней мере, о двух механизмах культурной памяти у этого ученого, благодаря которым формируется новое знание о памяти культуры. Иначе говоря, создавая культурное пространство, необходимое для поисков нового смысла художественного произведения, Д. И. Чижевский двумя разными способами привлекает разнообразные факты из истории литературы и из памяти культуры. Эти механизмы культурной памяти мы обозначили как *линейный* и *круговой* и ниже покажем, как они функционируют в конкретных текстах.

Первый пример посвящен *линейному* механизму культурной памяти, которая в этом случае соизмерима/сопоставима с памятью культуры: речь идет о широко известной концепции культурно-исторических эпох в работах Д. И. Чижевского — о так называемой *теории культурно-исторических волн*. Абстрагируясь от дискуссий, касающихся оригинальности этой концепции, обратимся к прояснению сути самой идеи. Концепцию Чижевского можно представить в виде схемы развития и смены культурно-исторических эпох между двумя полюсами, символами которых являются Платон (воплощающий чувственный подход к обоснованию и пониманию искусства) и Аристотель (символизирующий примат разума и логики). В своем модернизированном виде эта теория представлена на рисунке.

В статье Д. И. Чижевского, посвященной культурно-историческим эпохам и содержащей схему их развития, не упоминаются имена Платона и Аристотеля, хотя понятно, что противопоставление волн в концепции ученого отражает полюса, символами которых выступают именно эти два мыслителя. Все течения и культурно-исторические эпохи, которые ориентировали свои поэтики, концепции искусства, а также художественную практику на учение Платона об идеях, размещены на полюсе Платона (традиционно вверху, там, где мир идей). А те культурно-исторические эпохи и тенденции, концепции искусства которых

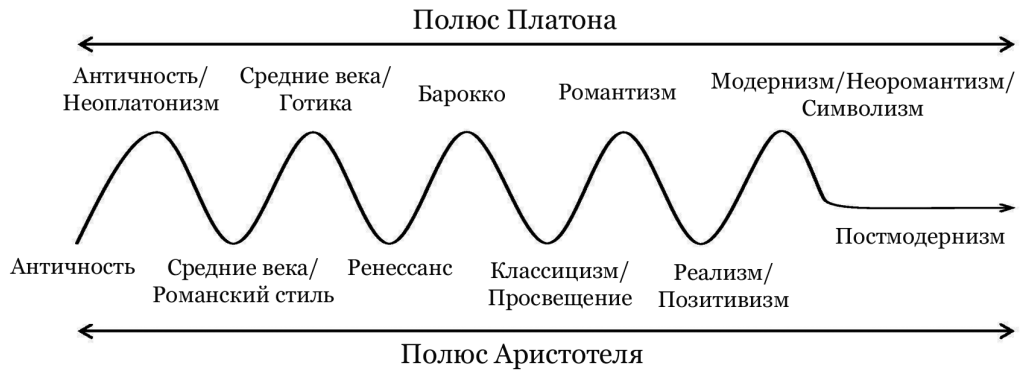
⁷ Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн, 2010. С. 103.

⁸ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 135.

⁹ Конечно же, Д. Чижевский при этом сохранял свой язык описания объекта изучения, он оставался учеником Э. Гуссерля. Ср. слова Ю. Лотмана: «При изучении чуждых нашему непосредственному художественному чувству произведений искусства и культур мы почти всегда в качестве метаязыка описания используем свои, порождённые определённой эпохой и определённой культурной традицией, идеи и представления» (Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 94).

¹⁰ Шкловский В. О теории прозы. М., 1983. С. 3, 6.

¹¹ Проблема недавно переизданных в России и Украине работ состоит в отсутствии комментариев (исторических и библиографических), без которых понимание текстов Д. Чижевского затруднено, а иногда и просто невозможно.

базировались на разуме и логике, размещены внизу (где находится мир вещей). Напомним, что такое же противопоставление Платона и Аристотеля как противопоставление верха и низа символически изображено на знаменитой фреске Рафаэля «Афинская школа». Оба философа находятся в самом центре картины и в соответствующих жестах представляют суть своего учения: поднятый вверх указательный палец Платона направлен на мир идей, в то время как параллельная земной плоскости ладонь Аристотеля возвращает нас к миру вещей.

Отметим, что в оригинальной схеме Чижевского¹² на уровне волны реализма и сразу после него помещен неоклассицизм, а также отсутствует постмодернизм. Но, создавая свою концепцию, ученый постоянно подчеркивал, что некоторые ее аспекты требуют уточнений и что в схеме возможны отклонения в случае гениальных личностей. Д. И. Чижевский специально отмечал также и определенную условность схемы, ссылаясь на определенный схематизм любой теории, представляющей морфологию культуры (примерами «морфологов» культуры для него были Освальд Шпенглер и Петр Бицилли). Именно поэтому в конце схемы между полюсами Платона и Аристотеля мы поместили постмодернизм: культура постмодерна в XX в. уравнивает все ценности, и каждая из предыдущих эпох находит свое отражение в текстах постмодернистов.

Поскольку ярче всего проблема памяти культуры у Д. И. Чижевского представлена в тех его исследованиях, которые посвящены эпохе барокко, обратимся именно к ним. Барокко — любимая эпоха ученого, он написал десятки работ на эту тему (от монографий и статей до кратких заметок), вел бесконечные дискуссии с советскими литературоведами по поводу концепции русского барокко, обосновывал идею единства барочной культуры у славян, наконец, с темой барокко был связан известный скандал Д. И. Чижевского на Международном конгрессе славистов в Праге в 1968 г.¹³

Основная проблема анализа этой концепции ученого состоит в том, что современные интерпретаторы текстов Д. И. Чижевского рассматривают не все его публикации, а только те, которые доступны им или в плане языка или хронологически (изданы после 1945 г.). Так, чешских исследователей интересовали прежде всего публикации Д. И. Чижевского, посвященные Я. А. Коменскому как представителю барокко, украинских — статьи и книги ученого о барочной поэтике Г. Сковороды и теории украинского барокко, русских — дискуссии о писателях русского барокко.¹⁴ Но самое важное — интерпретаторы текстов ученого практически не обращали внимания на имена и идеи, о которых он пишет, но которые не связаны с эпохой барокко. Иначе говоря, исследователи в текстах о барокко обычно видят только барочный дискурс, в то время как культурная память ученого аккумулирует в них десятки других идей и смыслов, связывающих эпоху барокко с другими эпохами и течениями, т. е. проявляющих память самой культуры, в которой словно бы «вдруг» актуализируется стиль барокко.

¹² См.: Чижевский Д. Культурно-историчні епохи. Аугсбург, 1948. С. 13. См. также: Чижевський Д. Початки і кінці ідеологічних епох // Богослов. München, 1949. Рік 1, ч. 4–6. С. 27–31. Следует отметить, что примерно в это же время другой известный теоретик и историк литературы, В. М. Жирмунский, создавал свою концепцию истории литературы, в которой чередовались два основополагающих типа искусства — романтическое искусство и классическое (см.: Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 134–140). Ю. М. Лотман указывал, что они «составляют универсальную константу, независимо от того, сменяют ли они друг друга или хронологически сосуществуют» (Лотман Ю. М. Культура и взрыв. С. 215). О «парадигме» Чижевского см. также: Петрухіна З. Про актуальність літературно-теоретичних положень Дмитра Чижевського // Славістика. Дрогобич, 2003. Т. 1. С. 99–106.

¹³ См.: Чижевский Д. И. Избранное в 3 т. М., 2007. Т. 1: Материалы к биографии (1894–1977). С. 399, 403, 404.

¹⁴ См. об этом: Человек в культуре русского барокко. М., 2007.

Так, анализируя тексты барочных писателей, Д. И. Чижевский вспоминает родственную им символику Р. М. Рильке, философию немецкого романтизма и символический универсум европейских романтиков, философские идеи средневековых мистиков, наконец, идеи Э. Гуссерля о всеобъемлющем характере человеческого «я» в ситуации феноменологической редукции.¹⁵ Если мы захотим разместить эти имена и идеи на предложенной схеме, то все они будут находиться на верхнем полюсе Платона — на линии барокко (средневековая мистика, романтизм, модернизм). Именно в этом смысле мы можем говорить о линейном механизме культурной памяти ученого: она совмещает и соотносит имена, факты, события и связанные с ними идеи по одной линии с эпохой барокко и с конкретными барочными текстами. При этом Д. И. Чижевский только сигнализирует о возможности рождения нового смысла разбираемого текста, не предлагая конкретной интерпретации. Упомянутое имя Э. Гуссерля в книге о Г. Сковороде не решает проблемы соотношения мира символов украинского писателя XVIII в. и европейской феноменологии XX в., хотя устанавливается типологическое сходство между идеями и мыслями Э. Гуссерля, с одной стороны, и эстетикой и поэтикой эпохи барокко (Я. А. Коменский и Г. Сковорода) — с другой. Понятно, что само соотношение конкретных имен и идей создает определенное культурное пространство их сосуществования.

Таким образом, барокко рассматривается Д. И. Чижевским как этап в развитии европейской культуры: барокко «помнит» предшествующие эпохи, трансформирует их наследие, но последующие эпохи «помнят» и барокко. Оно интерпретируется как научная и художественная парадигма, здесь концепция памяти культуры имеет самое широкое значение. Когда ученый интерпретирует конкретные произведения писателей барокко, его культурная память срабатывает так, что он привлекает для интерпретации очень далекие по времени и идеологии тексты или явления, актуализируя, в свою очередь, память культуры.

Обратимся теперь к другому примеру, представляющему *круговой* механизм культурной памяти, то есть ситуацию, когда новый смысл

текста рождается на фоне разрастающихся в пространстве культуры концентрических кругов. В течение всей жизни Д. И. Чижевский занимался проблемами рецепции текста и вопросами, связанными с чтением книг (читатель, библиотека, библиофильство). Еще до своего участия в заседаниях и семинарах представителей рецептивной эстетики в Констанце, до активного общения с такими учеными, как Ханс-Роберт Яусс, Вольфганг Изер, Ханс-Георг Гадамер, Рената Лахманн, он написал ряд специальных работ, посвященных вопросам психологии чтения.¹⁶ Понятно, что проблемы культурного пространства и памяти культуры в этих публикациях присутствуют имплицитно, поскольку эти вопросы непосредственно связаны как с рецепцией текстов в психологическом плане, так и с их интерпретацией в плане символично-семантическом. Однако интереснее всего пространство культурной памяти представлено в рецензиях Д. И. Чижевского, которые он очень активно писал в течение всей жизни. Эти рецензии можно разделить на три группы: 1) абсолютно критические тексты, в которых указаны фактические ошибки, бессмысленные выводы и научное невежество авторов книг, 2) нейтральные рецензии, служащие популяризации книг, 3) тексты, которые в большей мере представляют мысли и идеи самого их автора, нежели содержание рецензируемых книг.

Показательный пример, имеющий отношение к нашей теме, — это рецензия 1931 г. на книгу Н. А. Бердяева «О самоубийстве».¹⁷ Текст рецензии построен так, что в начале Д. И. Чижевский представляет свое видение проблем русской религиозной философии и места Н. А. Бердяева в философском дискурсе того времени. Ученый подчеркивает, что работы философа всегда интересны и актуальны, не являясь при этом образцами академического философского стиля. Они представляют собой своеобразные «философские манифесты», идейно и тематически связанные с немецкой мистикой и спекулятивной философией.

Во второй части рецензии Д. И. Чижевский говорит о самоубийстве как об одном из самых актуальных и болезненных вопросов в Советском Союзе, при этом он обращается к примерам Сергея Есенина и Владимира Маяковского.

¹⁵ Д. Чижевский в своей книге о Г. Сковороде приводит целую цепочку типологических параллелей для понятия «человек-микрокосмос»: от средневековой мистики через немецкий романтизм до Э. Гуссерля включительно (речь идет о гуссерлевском понятии Ich-All), см.: Tschizewskij D. Skovoroda. Dichter, Denker, Mystiker. München, 1974. P. 147.

¹⁶ См.: Чижевский Д. До психології читача та читання // Книголюб. Прага, 1928. Кн. 3/4. С. 12–26.

¹⁷ Чижевський Д. Микола Бердяєв. Про самогубство (Н. Бердяєв: О самоубийстве. Психологический этюд. Париж, 1931, 45 сторінок) // Дзвони. Львів, 1931. Ч. 4–5. С. 328–331.

Кстати, здесь же мы встречаем пророческую и загадочную фразу по поводу Янки Купалы, умершего в 1942 г. (или покончившего с собой, что до сих пор неясно). Д. И. Чижевский пишет: «В последнее время, как известно, тот самый путь (путь самоубийства, как С. Есенин и В. Маяковский. — Р. М., Е. С.) избрал и белорусский поэт Янко Купала».¹⁸ Как мог автор рецензии в 1931 г. знать о том, что случится в 1942 г., остается тайной.¹⁹ В этой же части рецензии представлены размышления о теме самоубийства в современной философии. Особое внимание Д. И. Чижевский уделяет идеям К. Ясперса и М. Хайдеггера, подчеркивая, что вопрос о самоубийстве в публикациях этих мыслителей обсуждается с разных сторон (религиозной, психологической, социальной).

В третьей части текста кратко излагаются мысли Н. А. Бердяева на тему самоубийства. Чижевский пишет о том, что для русского философа самоубийство является острым проявлением одиночества и самоизоляции личности, разрыва со всем, что находится за границами его индивидуального «я». Здесь вступают в конфликт психологическое состояние личности и границы ее бытия. Основным мотивом самоубийства выступает безнадежность, но эта безнадежность возможна только из-за разрыва личности со всем, что находится за границами ее *ego*. Поэтому самоубийцы являются в высшей степени эгоцентриками, оторванными от мира, от других людей, но самое главное — от «Солнца мира», т. е. от Бога. Д. И. Чижевский считает, что Н. А. Бердяев только повторяет и развивает известную мысль о том, что самоубийство не является отрицанием мира, наоборот, оно свидетельствует о слишком высокой оценке мира и всего, что человек имеет и может иметь от мира. Привязанность человека к миру закрывает от него (человека) Бога и вечность, создавая условия и настроения, при которых становится возможным самоубийство.

Наконец, в четвертой части рецензии мы встречаем связанные с проблемой самоубийст-

ва идеи и мысли уже самого Д. И. Чижевского. Вопрос о самоубийстве ученый рассматривает обращаясь, с одной стороны, к литературе, прежде всего к творчеству Ф. М. Достоевского, а с другой — к философии М. Хайдеггера. Он подчеркивает, что Н. А. Бердяев апеллирует к религиозной стороне самоубийства: оно является грехом против сотворенного Богом человека, а потому и грехом против самого Бога. Таким образом, вне религиозного, христианского контекста самоубийство вообще не является «грехом» (тем более что само понятие «грех» приложимо лишь к христианской религии). В отличие от Н. Бердяева, М. Хайдеггер поднимает вопросы о смыслах существования современного человека, в контексте которых самоубийство обретает совершенно другие измерения. Подлинное существование человека — это не эмпирическая (реальная) жизнь с ее успехами и достижениями, но жизнь в сфере вечных ценностей, и в этом смысле судьба отдельной личности соотносима с судьбами народов и государств. Философы XX в. принципиально отличались в этом вопросе от своих предшественников: в учении стоиков, а позже и у А. Шопенгауэра самоубийство (или определенные его формы) интерпретировалось как проявление индивидуального этического поступка человека.

Труд Н. А. Бердяева в рецензии Д. И. Чижевского занимает незначительное место: он становится поводом для целого ряда размышлений и идей, выходящих за пределы тематики самой книги. В пространстве культуры, которое представляет нам рецензия, брошюра русского философа соотносима с именами и идеями, не располагающимися на линии лишь одной из упомянутых выше традиций (линии Платона и Аристотеля), но образующими семантические круги смысла вокруг проблемы самоубийства. Привлекая к толкованию смысла брошюры столь разные имена и идеи, Д. И. Чижевский не руководствуется ни хронологическим, ни строго тематическим принципом. Вот порядок, в котором упомянуты в рецензии имена философов и мыслителей: отцы Церкви, Сергей Булгаков, Павел Флоренский, Шеллинг, Франц Ксавер Баадер, Якоб Бёме, С. Есенин, В. Маяковский, Я. Купала, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Т. Масарик, Э. Дюркгейм, Фома Аквинский, античные стоики, А. Шопенгауэр, Аристотель, Ф. Достоевский. Конечно, в идейном горизонте этих имен брошюра и идеи Н. А. Бердяева получают совершенно новые смыслы.

¹⁸ Там же. С. 329, 330.

¹⁹ Можно лишь привести ассоциативно напрашивающуюся строку из стихотворения А. Блока «Художник», воссоздающую процесс творчества: «Прошлое страстно глядится в грядущее. / Нет настоящего. Жалкого — нет». По этому поводу Ю. Лотман говорил, что «речь идет о моменте непредсказуемого взрыва, который превращает несовместимое в адекватное, неперебиваемое в переводимое», совершает переход за границу непредсказуемости (Лотман Ю. М. Культура и взрыв. С. 41). Как видим, Д. Чижевский в личном «прорыве» реализовал сказанное А. Блоком и проясненное Ю. Лотманом.

В своей рецензии Д. И. Чижевский только намечает возможные интерпретации, не предлагая конкретного анализа текста. В отличие от упомянутого выше линейного механизма, здесь культурная память ученого функционирует по круговому принципу: каждое из упомянутых имен создает свой круг смысла.

Нужно отметить, что у Д. И. Чижевского есть и специальные оригинальные исследования, построенные на таком же (круговом) соотношении разных текстов и фактов культуры, которое позволяет увидеть новый смысл классического текста. Это, например, статья «Кальдерон и Маяковский», представляющая анализ стихотворения В. Маяковского «Разговор с фининспектором о поэзии» и аналогичного текста «Записки финансовому инспектору» испанского поэта и драматурга эпохи барокко Кальдерона²⁰ (текст касался экономической и политической ситуации в Испании XVII в.). Еще один пример — статья «Полифем и Степан Разин», в которой рассмотрена сказка «О лихе одноглазом» из сборника А. Н. Афанасьева в историческом контексте восстания Степана Разина и «Одиссеи» Гомера.²¹ В обеих статьях привлекаемый для интерпретации

материал не соотносим с теорией культурно-исторических эпох и отражает поиски нового смысла текста по круговому принципу.

Анализируя научные публикации Д. И. Чижевского в контексте обозначенных в начале нашей статьи понятий, мы приходим к выводу о сугубо антропологическом измерении понятий «память культуры» и «новый смысл текста», в отличие от понятия «культурное пространство», которое может виртуально создать и компьютер. Порождение нового смысла как нового ответа на вопрос о символическом значении художественного произведения возможно только со стороны человека (иногда по принципу «чем случайней, тем вернее»). Сама память в данном случае не выступает в роли простого хранителя информации — она индуцирует новые смыслы. Как писал Б. Ф. Егоров, комментируя концепцию Ю. М. Лотмана, «мысль, с точки зрения ученого, находится внутри нас, а мы находимся внутри мысли. Память — это не библиотека, а генератор, воспроизводящий прошлое заново, создавая образ истории...»²² Так и культурная память, находясь «внутри нас», выступает в роли генератора и своего рода «ключа зажигания» к памяти культуры.

Roman Mnich

Doctor of Philological Sciences, Warsaw University (Poland, Warsaw)

E-mail: mnichrw@yahoo.de

Elena K. Sozina

Doctor of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: elenasozina1@rambler.ru

MEMORY OF CULTURE VERSUS CULTURAL MEMORY IN DMITRY CHIZHEVSKY'S SCIENTIFIC HERITAGE

The article focuses on the concepts of “memory of culture”, “cultural memory”, “cultural space” and “new meaning of the text”. Their explication in the scientific heritage of the prominent Slavist and philosopher D. I. Chizhevsky (1894–1977) is examined. The difference between the concepts of “cultural memory” and “memory of culture” is established. Cultural memory, according to its leading theorists Ya. Assman and A. Assman, is personalistic, it is associated with the processes of remembering and forgetting, it has a subject — an individual or a certain community, its own mechanisms and “bearers”. In relation to memory of culture, the question of the subject is “removed”; in other words, this is culture itself in its diachronic symbolic-semantic dimension. In understanding of the cultural memory mechanisms there is a typological connection between D. I. Chizhevsky and Yu. M. Lotman's concepts. The authors analyze two different mechanisms of cultural memory — linear and circular, it was due to them that D. I. Chizhevsky's works created cultural space necessary for searching new meaning of a literary work. The linear mechanism takes us to memory of culture: it is the theory of cultural-historical epochs or waves, described by D. I. Chizhevsky. The circular mechanism is triggered when a new meaning of the text is born against the background of concentric circles expanding in the space of culture: this is how the

²⁰ Čiževskij D. Aus zwei Welten. Beiträge zur Geschichte der slavisch-westliche Beziehungen. Leiden, 1956. P. 308–318.

²¹ Ibid. P. 337–348.

²² Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры. С. 216.

scientist considered the problem of Baroque in European culture; it was the principle his reviews were built on. In this case, memory itself serves not just as a simple information keeper, it induces new meanings.

Keywords: *Dmitry Chizhevsky, memory of culture, cultural memory, cultural space, meaning of a literary work*

REFERENCES

- Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2018, 328 p. (in Russ.).
- Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Letter, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, 368 p. (in Russ.).
- Chelovek v kul'ture russkogo barokko* [A man in the culture of Russian baroque]. Moscow: In-t filosofii RAN Publ., 2007, 613 p. (in Russ.).
- Chizhevsky D. [Nikolai Berdyaev. About suicide (N. Berdyaev, About suicide, psychological etude, Paris 1931, 45 pages)]. *Dzvony* [Bells]. Lviv, 1931, part 4–5, p. 328–331. (in Ukrainian).
- Chizhevsky D. [The beginnings and ends of ideological epochs]. *Bohoslov* [Theologian]. Munich, 1949, part 4–6, pp. 27–31. (in Ukrainian).
- Chizhevsky D. [To the psychology of reader and reading]. *Knygolyub* [Bibliophile]. Prague: UTPK Publ., 1928, part 3–4, pp. 12–26. (in Ukrainian).
- Číževskij D. *Aus zwei Welten. Beiträge zur Geschichte der slavisch-westliche Beziehungen* [From two worlds. Contributions to the history of Slavic-Western relations]. Leiden: Mouton & Co, 1956, 352 p. (in German).
- Chizhevsky D. I. *Izbrannoye: v 3 tomakh* [Selected: in 3 volumes]. Moscow: Russkiy put' Publ., 2007, vol. 1, 848 p. (in Russ.).
- Chizhevsky D. *Kul'turno-istorychni epokhy* [Cultural-historical epochs]. Augsburg: tovarystvo Prykhylynykiv UVAN Publ., 1948, 16 p. (in Ukrainian).
- Tschizewskij D. *Skovoroda. Dichter, Denker, Mystiker* [Skovoroda. Poet, thinker, mystic]. Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1974, 233 p. (in German).
- Likhachev D. S. [Art of memory and memory of art]. *Proshloye — budushchemu: stat'i i ocherki* [The past — to the future: articles and essays]. Leningrad: Nauka Publ., 1985, pp. 63–70. (in Russ.).
- Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow: "Gnozis"; "Progress" Publ., 1992, 272 p. (in Russ.).
- Lotman Yu. M. *Nepredskazuyemye mekhanizmy kul'tury* [Unpredictable mechanisms of culture]. Tallinn: Tallinnskiy un-t Publ., 2010, 232 p. (in Russ.).
- Lotman Yu. M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the semiotics of culture and art]. Saint Petersburg: Akademicheskij proyekt Publ., 2002, 544 p. (in Russ.).
- Mnich R. [Yuri Lotman and the Moscow-Tartu Semiotic School through the intellectual heritage of D. Tchi-jevski]. *Slavica Occitania*, 2015, no. 40, pp. 275–293. (in French).
- Mnich R., Pawluch N. "Poetik und Hermeneutik". *Bibliografia zawartosci tomow I–XVII* ["Poetics and Hermeneutics". Bibliography of the contents of volumes 1–17]. Siedlce: Wydawnictwo IKRiBL Publ., 2016, 80 p. (in Polish).
- Petrukhina Z. [On the relevance of literary and theoretical principles of Dmitry Chizhevsky]. *Slavistyka* [Slavistics]. Drohobych: "Kolo" Publ., 2003, vol. 1, pp. 99–106. (in Ukrainian).
- Shklovsky V. *O teorii prozy* [On the theory of prose]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1983, 384 p. (in Russ.).
- Wittgenstein L. [Tractatus Logico-Philosophicus]. *Izbrannyye raboty* [Selected Works]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Territoriya budushchego" Publ., 2005, pp. 11–228. (in Russ.).
- Zhirmunsky V. M. *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika* [Theory of literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad: Nauka Publ., 1977, 407 p. (in Russ.).